

Занятие делится на две части. Сначала учитель кратко излагает историю вопроса. Потом, в ходе живого обмена мнениями изложенное анализируется и закрепляется в памяти. Для того чтобы занятие прошло успешно, ученики должны прочитать повесть А.С.Пушкина «Египетские ночи» и хорошо помнить ее содержание. Продолжительность занятия - один урок.

Учитель. Если вы смотрели фильм Марлена Хуциева "Застава Ильича", то, конечно, помните знаменитые кадры — вечер поэзии в аудитории Политехнического музея. Вот молодой еще Андрей Вознесенский встает перед микрофоном. Вот поет Булат Окуджава, и зал чуть слышно подпевает ему. Вот суровый Борис Слуцкий чеканит свои стихи. Эпизод этот — один из самых важных в фильме.

Почему мы вспомнили о нем, если тема нашего занятия — функционирование художественной формы? Дело в том, что мы хотим облегчить задачу. Возьмем для исследования не просто литературный жанр либо форму — трагедию, новеллу или оду. Нет, отойдем чуть в сторону. Во-первых, теория жанров недостаточно разработана в литературоведении и тут еще довольно дела для профессионалов, и во-вторых, изменения этих жанров во времени столь активны, что проследить за ними трудно. Мы обратимся к материалу более наглядному, а потому и более ясному — к форме синтетической, включающей в себя и текст, и способ подачи этого текста, и непременно наличие зрителей, которые непосредственно и сразу реагируют на слова, жесты, интонации и темы. Обратимся к поэтическим выступлениям еще и потому, что эта художественная форма окончательно сформировалась в нынешнем веке и пережила расцвет совсем недавно.

Сейчас никто не удивляется, что на экранах телевизоров, по радио, а главное, с эстрады выступают писатели и поэты. Это может быть сборное выступление, когда не один, а несколько сочинителей выходят на публику, это может быть и сольное выступление. Конечно, мода на них уже проходит и популярность их не сравнится с тем, что было в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов. Что же, мода есть мода. А мы попытаемся выяснить, как меняется она во времени и как время выбирает себе соответствующие формы выражения.

Однако сначала немного истории. Не станем забираться в глубь веков, пусть и тогда были всякого рода поэтические выступления, ведь при дворах влиятельных и богатых людей жили собственные поэты — трубадуры и труверы. А если не было возможности содержать постоянного поэта, его приглашали на время, чтобы насладиться его искусством.

Возьмем эпоху более близкую. Помните поэтический концерт в повести А.С.Пушкина "Египетские ночи"? Итальянский импровизатор выступает в великосветском салоне. Помните чопорную публику, с каким трудом дает она темы для импровизаций и как заискивает перед ней итальянец? Или фигуру Чарского, который всячески отрешивается от именованья "поэт"? А тот невеселый пассаж, что вырвался из-под пушкинского пера, где говорится не столько о героях неоконченной повести, сколько о

самом себе: "Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его звание и прозвище, которым он заклеен и которое никогда от него не отпадает. Публика смотрит на него как на свою собственность; по ее мнению, он рожден для ее пользы и удовольствия".

А теперь сравним с выступлениями поэтов начала нынешнего века. Никакого заискивания. Напротив, нарушение всех приличий, пререкание с публикой; разрисованные щеки и лбы, деревянные ложки в петлице вместо бутоньерки. И сама форма выступления необычная, вызывающая.

Вот, например, выступление В.Гольдшмидта — "футуриста жизни, кругосветного путешественника, гипнотезера, проповедника свободной любви", как он себя именовал. "На афишах, расклеенных в городе, крупными буквами извещалось: "Отвечаю на все мировые вопросы". Цена за билет назначена в один серебряный рубль, хотя царские деньги уже не существовали. Любопытные и заинтригованные провинциалы принесли "поэту-футуристу" свои рубли. Вечер состоялся в бывшем Дворянском собрании губернского дома. Рыжий здоровенный одессит вышел на сцену и крикнул в переполненный публикой зал: "Эй, вы, комолые утюги, шли бы лучше на Каму!" Пользуясь замешательством в зале, Гольдшмидт исполнил заранее приготовленный трюк. Ему подали квадратную широченную еловую доску, которую он взял в руки и тут же, на глазах у всех, расколол ее с маху об свою голову. Доска разлетелась на две части. Этот номер вызвал восторг у публики, поднялся шум. Пермьки поняли, что их одурачили, и требовали деньги обратно. Скандал стал принимать угрожающий характер".

Поэт Василиск Гнедов выступал иначе. Он выходил на сцену, поднимал руку, сжатую в кулак, и молчал. Так он исполнял свою поэму "Вопль".

Оставим крайности. Посмотрим на нормальное поэтическое выступление. Как реагировала на него публика? Игорь Северянин был одним из первых, кто проводил поэтические вечера. Итак, на дворе десятые годы. А вот что пишет в частном письме о северянинском "поэзоконцерте" мать поэта Волошина — Елена Оттобальдовна: "Мне никогда не приходилось видеть такого бурного восторга публики, ничем для меня необъяснимого, и такого гордого холодного принятия как должного таких безудержных оваций пробудителя их. От всего виденного, слышанного мне лично безудержно захотелось хулиганить, и я мяукала кошкой, как кошка же играла с гигантским пером на шляпе сидевшей передо мной дамы, прижимая его время от времени пальцем к спине разделявшей нас скамьи и тем заставляя даму отвлекаться от полубога, недоуменными глазами искать позади себя причину задержек колебаний своего великолепного украшения и оторопелыми руками укреплять и поправлять его расшатавшиеся корни". Надо лишь добавить, что автору письма было далеко за шестьдесят.

Такого успеха добиться нелегко. Чтобы произвести впечатление, следовало использовать и определенные приемы. Тот же Северянин стихи свои не читал, а напевал (кстати, мелодия их записана знакомым композитором). Было и другое, например: поэт не обращал на публику никакого внимания. И еще одно, чрезвычайно важное качество, засвидетельствованное современником: без оваций Северянин

никогда на бис не читал.

Впрочем, куда Северянину до стихотворцев, которые выйдут на сцену полустолетием позже, в шестидесятые годы. Они и действовали виртуознее, и добивались большего эффекта. Поэт Н.Старшинов вспоминает: "В Лужниках — огромное стечение слушателей. Зал почти полон. Все участники вечера — в сборе. А Вознесенского нет. Проходит десять, пятнадцать, двадцать минут. Его нет. Нетерпеливые поклонники начинают нервничать — как же так, в афише он есть, а на сцене его нет! Приходят записки — одна, две, три. Почему нет Вознесенского?"

Симонов вынужден давать объяснение. Он говорит о том, что, мол, ему только что сообщили: Вознесенский лишь час назад прибыл из-за границы, находится в Москве, скоро должен появиться здесь.

Проходят еще пять, десять, пятнадцать минут. Его все нет. В президиум снова поступают записки: будет все-таки Вознесенский или нет? Симонов снова вынужден объяснять ситуацию. Объявляется перерыв. А после него — снова записки...

Вот тут-то и появляется он. И не в промежутке между двумя выступающими и даже не в промежутке между стихами одного автора. Нет — прямо в самый разгар чтения. Выступает Владимир Солоухин, вот в середине его стихотворения и все внимание сосредотачивает на нем. Раздаются отдельные хлопки, потом аплодисменты. Солоухин вынужден прервать чтение...

И когда после нескольких выступающих выходит сам Вознесенский к микрофону, зал взрывается аплодисментами. Собственно говоря, теперь и стихи-то можно уже не читать. Дело сделано. Теперь говори и читай что хочешь — успех обеспечен".

В то же время Евтушенко разыгрывает свое представление, Бимонов все уговаривает его выступить, а тот отказывается, показывает на горло, дескать, болит, положет его теплым чаем. Опять недоуменные записки. Опять уговоры. Отнекивание. И, наконец, Евтушенко соглашается прочесть одно стихотворение. Читает он нормальным голосом. Потом вдруг принимается читать поэму "Ивановские ситцы".

Что-то в этом есть от обмана, что-то от религиозного действия. И не зря А.Вознесенский сравнивал одну из главных аудиторий страны — Политехнический музей — с языческим богом. Ему поклоняются, ему приносят жертвы.

Не стоит обвинять только выступавших поэтов. Они преследовали свою выгоду. Они упивались моментом. Но и зрители тоже были счастливы. Они ощущали свободу. Свободу выражать собственное мнение: рукоплескать или смеяться, когда это кажется уместным.

Интересно, сколь велика была сила звучащего слова. Вернемся к тому эпизоду, с которого начали. Съёмки в аудитории Политехнического заранее спланировали, но стоило только рассестись массовке и выйти на сцену поэтам, как тут же ситуация

изменилась. Присутствующие вовсе не хотели по-киношному "делать дубли". Они слушали стихи. Они восхищались и ликовали. Это были не съемки, а вечер поэзии. И так сложилось, что потом уже кадры из художественного фильма "Застава Ильича" стали показывать, как хроникальные.

Пусть с некоторым запозданием, следует сказать, что тогда же в критике появилось разделение на "громкую", или, "эстрадную" поэзию и "тихую" лирику. Первой сопутствовал необычайный успех, а другой — покуда — спокойное прозябание, хотя и "тихие" лирики выходили порой на эстраду.

А теперь, когда у нас есть возможность сравнивать, давайте попытаемся решить, что общего у трех поэтических выступлений — тридцатых годов XIX века, десятых и шестидесятых годов века ны-) нешнего, ив чем заключается разница. Напомню: перед нами синтетическая художественная форма, а потому следует обращать внимание на все ее грани, на любые, даже самые мелкие детали. Дело ведь не только в стихах, которые читают поэты. Впрочем, в стихах тоже. Так что начнем с них.

Ученик. Мне кажется, что именно в стихах заключается разница.

Учитель. В чем это сказывается?

Ученик. Стихи, которые читает, вернее сказать, импровизирует итальянец из "Египетских ночей", рассчитаны на немногих, избранных людей.

Учитель. На небольшую аудиторию?

Ученик. Да. Во-первых, на небольшую аудиторию. Я не знаю, сколько людей собиралось на такой поэтический вечер.

Учитель. Это несложно подсчитать. У Пушкина сказано, что стулья были поставлены в двенадцать рядов. Мужчины стояли за последним рядом стульев, вдоль стен и у подмостков. Можно предположить, что было где-то около двухсот человек. Разумеется, это несравнимо с аудиторией Лужников или Политехнического музея.

Ученик. И вообще, в первой трети XIX века количество образованных людей, способных воспринять такие стихи, как приведенные в повести, было ограничено. Для понимания таких стихов нужны определенные знания.

Учитель. Какие?

Ученик. Например, знание шекспировских трагедий.

Учитель. Верно. А что еще нужно, чтобы воспринимать такие стихи?

Ученик. Навык.

Ученик. Умение.

Учитель. Правильно. Нужна определенная поэтическая культура. Следует добавить, что в повести использованы стихи самого А.С.Пушкина. Первая импровизация — это переработанные строфы из поэмы "Езерский", а вторая — пушкинское стихотворение, которое включили при публикации издатели. Это стихотворение автор также хотел переработать для повести, но не успел этого сделать, и потому оно включается, так сказать, в "чистом виде". Но это лишь к слову. Кто-то хочет еще что-нибудь добавить о стихах?

Ученик. Я хочу добавить. Мы не знаем, что читали поэты на упомянутых выступлениях в десятые годы. О вечере в Лужниках знаем, что Евтушенко принялся читать целую поэму, которая не предназначена для чтения со сцены. Но это, в общем-то, не важно. Важно то, что поэзия прошлого века отличается от поэзии века нашего.

Учитель. Совершенно верно. Во время, о котором повествует А.С.Пушкин, стихотворные жанры еще не начали разрушаться, они имели характерные признаки: элегия — одни, баллада — другие. В XX веке нет ни нормативных поэтик, ни шкалы поэтических форм, все как бы перемешалось. Поэтому, естественно, поэзия XIX века отлична от поэзии века XX.

Ученик. У меня вопрос. В XX веке вообще невозможна нормативная поэтика?

Учитель. Могут быть поэтики каких-то поэтических школ или отдельных литераторов, но общей для всех поэтики, иерархии жанров и форм быть не может. На первое место выходят не формальные признаки, а волеизъявление творца. Каждый художник стремится наиболее полно выразить свое "я", и не терпит никаких ограничений, а ведь всякая общеобязательная норма есть ограничение. Вам понятно?

Ученик. Да

Учитель. Тогда вернемся к вопросу, который мы оставили. Что еще можно добавить к характеристике аудитории в пушкинской повести?

Ученик. Она должна относиться к импровизатору с презрением. В отрывке, который был прочитан — о роли поэта в тогдашнем обществе, — Пушкин все говорит напрямую.

Учитель. Что?

Ученик. Что к поэту относятся, словно к модной игрушке, но вовсе не как к человеку, равному себе. Итальянцу приходится заискивать.

Учитель. А если сравнить с положением поэта в нашем веке?

Ученик. Здесь совершенно иное. Поэт как бы возвышается над своими зрителями. Иногда смеется над ними, иногда эпатирует. Но все равно он занимает иное положение.

Учитель. В чем это сказывается?

Ученик. Это сказывается даже в одежде. Импровизатор сменил свою поношенную одежду на более приличную, он хотел по возможности не отличаться от окружающего общества, вписаться в него. А у поэтов нашего века, наоборот, ярко выражено желание выделиться. И в одежде, и во внешнем виде, и даже в самом исполнении стихов.

Учитель. Тут следует уточнить. В повести сказано, что "итальянец одет был театрално", но потом добавлено: Царский "заметил, что наряд, который показался ему так неприличен, не произвел того же действия на публику". Что же до поэтов XX века, то они хотят отличаться и одеждой, и поведением, и самими стихами, чего бы это ни стоило.

Ученик. Я хочу добавить. Поэма "Вопль", которую исполнял Василиск Гнедов, не только отличается от стихов XIX века, но и от стихов современников (если, конечно, считать такого рода трюк поэзией).

Учитель. Не станем спорить на этот счет. Подведем некоторые итоги. Можно ли сказать, что импровизатор из пушкинской повести подстраивался под аудиторию, а поэты нашего века, особенно футуристы, наоборот, бросают вызов публике?

Ученик. Да, так можно сказать.

Учитель. А с чем, по вашему мнению, это связано?

Ученик. Может быть, изменилось положение поэта в обществе?

Учитель. Верно. В пушкинские времена литература еще только становилась областью, где работают профессиональные литераторы, а потому и место их в обществе пока не определилось. Но уже к концу прошлого века звание писателя стало в России особенно почетным. Литераторы как бы освободились от общественного презрения и, следовательно, от чувства собственной неполноценности. Однако мы видим, чем может обернуться абсолютная свобода. И, задумавшись, так ли уж независимы были тот же Василиск Гнедов или Игорь Северянин? Я не имею в виду их материальное положение, хотя и оно много значит. Так от кого же зависели эти литераторы?

Ученик. Они зависели от читателей.

Ученик. И от публики. Ведь от того, сколько придет народу на концерт, зависит и то, сколько они заработают.

Учитель. Верно. А как, кроме, конечно, самих литературных занятий, зарабатывается популярность?

Ученик. Скандалами, эпатирующим поведением.

Ученик. Бросающимся в глаза, ярким или необычным костюмом, отзывами в газетах.

Учитель. Да, это так. Но как это согласуется с популярностью поэтов шестидесятых годов? Они ведь не раскрашивали себе щеки в разные цвета, не раскалывали об голову толстые доски...

Ученик. Не обязательно ходить в необыкновенном костюме. Они давали интервью для газет, журналов, радио и телевидения. Их имена всегда на устах у других. О них рассуждают, их стихи, пусть и не такие необычные, как сплошное молчание, но все-таки отличаются по форме, они броские, производят впечатление.

Учитель. В шестидесятые годы в критике появилось разделение на "эстрадную поэзию" и "тихую лирику". Мы об этом подробно не говорили, но, может быть, вы попробуйте определить, что значат эти названия?

Ученик. С "эстрадной поэзией" все ясно. Это стихи, написанные как бы для чтения с эстрады, со всеми качествами, присущими такой поэзии. А "тихая лирика", наверное, противоположное понятие.

Учитель. Правильно. Это стихи, которые написаны неброско, в них нет острых парадоксов, необычных рифм и ритмов, странных метафор. Разумеется, и такие стихи можно декламировать с эстрады, но, они произведут куда меньшее впечатление, их лучше читать наедине с книгой, или в обществе нескольких друзей, единомышленников.

Ученик. Что же; получается, что это как бы новый литературный салон? Небольшое общество, почти "избранные", и стихи предназначаются для них.

Учитель. Меткое наблюдение. "Поэтическим салоном" такое собрание единомышленников не назовешь, тем не менее некоторые черты салонности тут можно увидеть. Поэзия как бы разделилась на несколько направлений. И следует вспомнить еще одно явление, отличающееся и от "тихой лирики", и от "эстрадной поэзии", но накрепко связанное с ними. Это оборотная сторона официальной, точнее, разрешенной поэзии.

Каких-то поэтов публиковали, им давали выступать, а кого-то пытались заставить молчать. Были вечера в Лужниках, разрешенные и даже одобренные, и были вечера в узком кругу знакомых, когда концерт записывался на магнитофонную пленку а потом расходился по всей стране.

Бродит Кривда с полосы на полосу. Делится с соседкой Кривдой опытом, Но гремит напетое вполголоса. Но гудит прочитанное шепотом. Ни партера нет, ни лож, ни яруса, Клака не безумствует припадочно. Есть магнитофон системы "Яуза", Вот и все!

...А этого достаточно! — пел Александр Галич.

Это была "гитарная поэзия". Тот же Галич, Высоцкий, Анчаров, Визбор.

Но давайте вернемся к эстрадным выступлениям. Что еще можно добавить о выступлениях поэтов-шестидесятников?

Ученик. Если не в облике, то в поведении поэтов и в том, что им сопутствует, присутствует некоторая экстравагантность.

Учитель. Правильно. Ведь подчеркивалось, что Вознесенский едет из-за границы, а в те времена такая поездка была целым событием. На человека, побывавшего там, иначе смотрели. Сейчас это трудно понять.

Ученик. В их поведении была еще игра.

Учитель. Да, игра.

Ученик. Это напоминает, пусть в более слабом виде, выступления поэтов-футуристов, которые были в десятиные годы.

Учитель. Кстати, о временах. Понятно, что художественные формы меняются со временем, однако не видите ли вы каких-нибудь закономерностей? Как связаны изменения художественных форм со временем?

Ученик. Может быть, так. Тридцатые годы XIX века — время относительно спокойное, десятиные годы XX века — время между революциями, а шестидесятые годы — время так называемой "оттепели", время надежд.

Учитель. Оставим прошлый век, мы говорили о нем лишь для того, чтобы подтвердить, что художественная форма, о которой идет речь, появилась давно. И все же и аудитория, и сама поэзия XIX века слишком сильно отличаются от аудитории и стихов века XX, но достаточно взглянуть на век нынешний, чтобы правильно понять связь между поэзией, точнее, ее популярностью и временем.

Ученик. Да, пики интереса к поэзии приходятся на годы, когда в социальной жизни и в самой атмосфере что-то менялось, чувствовалось напряжение. И поэты не только чутко улавливали все изменения, они ими пользовались, получали свою долю популярности, возносясь на гребне времени. Каким образом они эту популярность зарабатывали, мы уже говорили.

Учитель. Верно. И последний вопрос. Недавно проходил поэтический вечер в Политехническом музее, и сразу наперебой все стали радостно твердить, что поэтические вечера с многотысячной публикой возрождаются. Верно ли такое утверждение?

Ученик. Думаю, это не так. Дело даже не в характере времени. Дело в тех изменениях, которые произошли с культурой. Сейчас слишком много внимания отнимает

телевидение, видео. Книги стали читать меньше, теперь смотрят больше фильмов, играют в компьютерные игры. Время стихов не то чтобы прошло, но их не будут слушать, как прежде.

Учитель. Подведем итоги. Мы видели, что художественная форма меняется и перемены эти связаны с переменной во времени. Не всегда эта связь столь наглядна, как в данном случае, но изменения обязательны. Какие-то элементы формы выходят на первый план, какие-то уходят в тень. И так происходит до тех пор, пока художественная форма не заканчивает свое развитие, тогда она тихо угасает. Другие формы приходят ей на смену. Угасла элегия. Пропал интерес к эпическим поэмам. С поэтическими выступлениями проще. Конечно, поэты будут читать стихи, а слушатели внимать им..Только будет это уже не на стадионах и не в многолюдных залах. Это будет совершенно иное чтение. А какое — покажет время.